

Александра Никитична Анненская

Волчонок

Александра Анненская

Волчонок

«Public Domain»

1889

Анненская А. Н.

Волчонок / А. Н. Анненская — «Public Domain», 1889

«Наступала весна. Мартовское солнце ярко светит и заметно согревает. Под его живительными лучами снег быстро тает и потоками льется через водосточные трубы на тротуары. На солнечной стороне улицы мокро, но зато тепло, светло, весело; в тени зима еще упорно держится, снег почти не тает, резкий ветер заставляет людей плотнее кутаться в теплые одежды. Холодно и мрачно в тех закоулках, куда не проникает луч солнца, где приближение весны чувствуется только потому, что зимняя стужа сменяется сыростью... В одном из таких забытых солнцем закоулков, в подвале большого пятиэтажного дома, окружавшего своими громадными флигелями крошечный дворик, сидел, сгорбившись над работой, человек, который по-видимому сильно нуждался в живительном луче тепла и света...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	14
Глава IV	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александра Никитична Анненская

Волчонок

Глава I

Наступала весна. Мартовское солнце ярко светит и заметно согревает. Под его живительными лучами снег быстро тает и потоками льется через водосточные трубы на тротуары. На солнечной стороне улицы мокро, но зато тепло, светло, весело; в тени зима еще упорно держится, снег почти не тает, резкий ветер заставляет людей плотнее кутаться в теплые одежды. Холодно и мрачно в тех закоулках, куда не проникает луч солнца, где приближение весны чувствуется только потому, что зимняя стужа сменяется сыростью... В одном из таких забытых солнцем закоулков, в подвале большого пятиэтажного дома, окружавшего своими громадными флигелями крошечный дворик, сидел, сгорбившись над работой, человек, который по-видимому сильно нуждался в живительном луче тепла и света. Мертвенно-бледный, с истомленным лицом и красными воспаленными глазами, он с лихорадочной поспешностью нашивал бантики и пуговицы на щегольские дамские ботинки; с полдюжины таких же ботинок разных размеров и фасонов, расставленных на большом почерневшем от времени столе, и множество деревянных колодок, валявшихся в углу комнаты вместе с обрезками подошвы, кожи и прюнели, ясно показывали, что это был башмачник, а бедная обстановка его сырой, мрачной, низкой комнаты и разноцветные заплатки, покрывавшие одежду его, говорили о плохих заработках, о суровой нужде. Несмотря на торопливость, с какой бедняк действовал иглой, ему по временам приходилось прерывать работу: удушливый кашель мучил его, он хватался рукой за грудь и красные пятна выступали на его впалых щеках.

– Ишь ты, как замучился, Павлуша, – раздался из глубины комнаты голос женщины: – хоть бы отдохнул; право, совсем изведешься!

– Отдохнуть! Кончу, так отдохну, – хмуро отвечал башмачник: – сама знаешь, сегодня надо работу нести, так чего там: «отдохни!»

– Можно и завтра снести работу; беда не велика, что один день просрочишь, – возразила женщина: – хозяин, кажись, добрый – придешь, поклонись, авось, не взыщет с больного человека.

– Еще кланяться! Очень нужно! – проворчал башмачник.

Новый припадок кашля прервал слова его.

Авдотья, так звали женщину, знала, что спорить с братом бесполезно; она махнула на него рукой и вернулась к своему занятию – мытью в корыте каких-то лохмотьев, составлявших все белье семьи.

Дверь скрипнула; в комнату вошел маленький человек, неся в руках кусок хлеба, бутылку квасу и пару селедок. Мы говорим маленький человек, а не мальчик потому, что в этом крошечном существе не было, по-видимому, ничего детского: одет он был в большие сапоги, в длинный чуть не до пят балахон, в огромную закрывавшую уши шапку, и взгляд его сереньких глазок был не по летам серьезен.

– Принес, тетенька! – проговорил он, опуская свою ношу на деревянный табурет возле печки и освобождаясь от шапки, видимо тяготившей его.

– Принес Илюша? Ну, и ладно! – добродушно отозвалась Авдотья. – Сейчас у меня обед будет готов, картошка уже сварилась.

Через несколько минут вся семья сидела за обедом, состоявшим из вареного картофеля с селедкой да из хлеба с квасом. Авдотья ела быстро и почти все время говорила, хотя никто не отвечал ей. Илюша чинно, не торопясь, проглатывал кусок за куском и сосредоточил все

свое внимание на этом приятном деле. Павел почти не дотрагивался до пищи: ему сильно нездоровилось, он едва сидел.

– Вот и посуду не буду мыть, – говорила Авдотья: – надо скорей бежать к Шустовым; у них сегодня много гостей, ужин, велели придти кухарке помогать.

– А где они живут? – спросил Павел.

– На Офицерской, – ты разве не помнишь? Мы ведь у кумы Анисьи там в гостях были?

– Не помню. Я думал, не по дороге ли тебе в Гостиный двор. Я работу кончил, а нести не могу, совсем разломил.

– Ах ты напасти! – всплеснула руками Авдотья. – Как тут быть? Кабы не такой случай, я бы сходила, мне что! Да нельзя: господа хорошие, Шустовы-то заплатят, да и куме надо услужить! Или, может, не ходить? Твою работу снести?..

– Илья снесет! – коротко отозвался башмачник, которого видимо раздражала болтливость сестры.

– Снесу, – проговорил мальчик, дожевывая последний кусок хлеба.

Башмачник связал в большую тряпку с десяток пар оконченных ботинок.

– Ты знаешь дорогу? Помнишь магазин? – обратился он к сыну.

– Знаю, – отвечал тот, снова нахлобучивая свою огромную шапку.

– Отдашь работу, получи шесть рублей, слышишь, непременно шесть! Назад пойдешь, купи восьмушку чаю, фунт сахара да косушку водки, понял?

Мальчик вместо ответа кивнул головой, отчего шапка сдвинулась ему на глаза, взял в руки узел и твердой, неторопливой походкой вышел из комнаты.

– Деньги-то, Илюша, получи! Да не потеряй! Спрячь за пазуху да рукой придержи! Смотри, голубчик, не потеряй! Да дорогу-то ты хорошо ли знаешь? – кричала ему вслед тетка, но он не счел нужным остановиться и ответить ей.

Ходить по улицам Петербурга с довольно тяжелыми ношами, получать, платить деньги, делать покупки – все это было не новостью для Илюши. Хотя ему еще не было девяти лет, но он уже давно принимал участие в трудах взрослых, в их стараниях заработать кусок хлеба. Мало того: для него, можно сказать, совсем не существовало того беззаботного детства, когда ребенок не знает, на что нужны деньги, когда он думает, что стоит попросить папу и все, чего хочется, явится. Будучи двух лет, он вечером встречал мать, ходившую на поденную работу, вопросом: «Ну, сто, полючила деньги?» Трех лет, он при виде своей новорожденной сестрицы, серьезно заметил отцу: «Зачем она нам? Чем мы ее кормить будем?»; пяти лет, он знал все окрестные лавки, умел делать все мелкие хозяйственные покупки и в случае надобности выпросить у лавочника в долг фунт хлеба, сальную свечку, несколько кусков сахара. Отец его был, как мы видели, трудолюбивый и даже искусный башмачник, но человек очень слабого здоровья. Жена его тоже не прочь была трудиться, чтобы поддерживать семью, но, несмотря на все усилия, им никак не удавалось выбиться из бедности. Каждый год у них рождались дети; все они, кроме Илюши, жили год, два и умирали после более или менее продолжительной болезни. Эти болезни и затем похороны стоили денег; уход за несчастными малютками отнимал у матери и время, и силы, а тут еще каждую весну и осень Павел схватывал простуду и хворал по несколько недель. Бедная женщина не могла долго выносить такой тяжелой жизни и за год до начала нашего рассказа умерла, оставив мужу, кроме Илюши, еще маленькую двухнедельную дочку. Павел совсем растерялся, оставшись без жены с двумя детьми. К счастью, на помощь ему явилась сестра его, словоохотливая, суетливая Авдотья. Она оставила место кухарки, которое занимала до тех пор, и согласилась жить с братом, чтобы нянчить его малютку и исполнять все несложные работы его бедного хозяйства. Через полгода малютка умерла, но Павел был так слаб и хил, что добрая Авдотья не решалась оставить его.

– Совсем он ледащий человек, – говорила она своим кумушкам, распивая с ними кофе, – один день работает, а два лежит; я его и горяченьким накормлю, и одежду ему справлю, и белье помою, – без меня он совсем пропадет.

Павел чувствовал, как великодушно поступает сестра, отказываясь ради него от сытой жизни в барском доме; он чувствовал, как много добра делает она и ему, и его ребенку. Словами он никогда не благодарил ее: он был человек молчаливый, скрытный, но он напрягал все свои силы, чтобы как можно больше зарабатывать и тем избавить ее от слишком больших лишений, доставить ей сколько-нибудь довольства. Заработок его, действительно, увеличивался, но с тем вместе здоровье его все более ослабевало. Страшная, неумолимая болезнь подтачивала силы его; доктор, к которому он, по совету сестры, обратился за лекарством от кашля, послушав его грудь, заметил по-немецки своему помощнику: «Дурак, пришел лечить кашель, а у него чахотка в последнем градусе, до лета не протянет». Он имел деликатность не перевести эту фразу больному, а просто прописал ему какое-то успокоительное лекарство и пообещал, что, «когда наступит тепло, все пройдет». И бедный больной, задыхаясь от кашля, дрожа от лихорадки, мечтал, что скоро выздоровеет, что ему удастся получить заказы еще в одном магазине, что он возьмет себе в помощники мальчика, да Илюшу понемногу будет приучать к работе, и заживут они отлично: Авдотья он купит шерстяное платье, всякий день будут чай пить, возьмут квартиру получше...

Отослав Илюшу с заказом и оставшись один в комнате, он утешал себя теми же мечтами, хотя болезнь давала себя чувствовать сильнее, чем когда-нибудь: он ослабел до того, что не мог подняться с постели напиться, а между тем его мучила жажда, и внутри все как-то горело и болело.

Возвратясь домой с деньгами и покупками, Илюша увидел, что отец совсем болен. Он не испугался и не расплакался, как сделали бы многие дети его возраста. Видеть больных, и даже ухаживать за ними, было для него не в диковину. Он сходил к соседям, достал кипятку, умелой рукой заварил чай, напоил отца, сам с удовольствием выпил две больших чашки, затем, пододвинув свой тощий матрасик к постели больного, сказал:

– Тятка, я спать лягу; коли тебе понадобится что, ты меня разбуди, – и через несколько минут заснул спокойным сном, не забыв перед тем погасить маленькую керосиновую лампочку, «чтобы даром не горела».

С этого дня Павел уже не вставал с постели. Авдотья сразу поняла, «что он не жилец на этом свете», и пожалела отвозить его в больницу. «пусть хоть умрет в своем углу да спокойно» – говорила она соседкам, приходившим навещать ее. А он, в редкие минуты сознания, продолжал мечтать о новой квартире, о новых заработках; мысль о смерти ни разу не приходила ему в голову. И умер он с этими мечтами – тихо, спокойно...

Бедным людям некогда долго оплакивать своих покойников. Похоронив брата, Авдотья немедленно принялась продавать все небольшое имущество покойного, чтобы выручить деньги, истраченные на похороны, и в то же время обдумывала, как лучше устроить судьбу свою и маленького племянника, оставшегося на ее попечении. Жить на квартире и заниматься поденной работой казалось ей невыгодно; она решилась опять взять место кухарки, но с тем, чтобы ей позволили держать мальчика при себе, пока он не подрастет настолько, что его можно будет отдать в ученье к какому-нибудь мастеру.

Илюша был сильно поражен смертью отца. На своем коротком веку он видал уже много смертей; но когда умирали его маленькие братцы или сестрицы, он почти нисколько не жалел о них: это все были такие маленькие, беспокойные, плаксивые существа, не дававшие ему спать по ночам и надоедавшие ему днем своим криком; когда умерла мать, он был огорчен, но последние месяцы своей жизни она была очень раздражительна, часто бранила и даже била его, а взамен ее явилась тетка Авдотья, – такая добрая, веселая и ласковая, что он скоро забыл о своей матери; и теперь, пока тело отца стояло в комнате, он относился довольно спокойно ко всему

происходившему, даже не заплакал, прощаясь с покойником, чем привел в сильное негодование двух-трех соседок.

– Ишь, болван бесчувственный, – толковали они, – и не плачет!

Только вернувшись с похорон в свою комнату, мальчик почувствовал, что лишился чего-то дорогого, незаменимого; смутное сознание сиротства и одиночества вдруг охватило его; он забился в угол и растерянно оглядывался кругом, точно каждая вещь этой бедной комнатки не была давным-давно известна ему.

В эту минуту дверь с шумом растворилась, вошла Авдотья в сопровождении нескольких соседей и соседок, которым она продала убогую меблировку комнаты. Накануне она до изнеможения торговалась за всякий табурет, за всякую деревянную ложку, теперь все переговоры были уже кончены, даже деньги получены, и новые владельцы спешили унести к себе вещи. Илюша, неподвижно стоя в своем углу, видел как постепенно исчезала посуда, праздничное платье отца, его постель, скамейки, стул... Комната все больше и больше пустела, а с тем вместе росло и тяжелое чувство мальчика. Вот уже все вынесено, остался только большой рабочий стол Павла. Двое мастеровых подошли к нему, взяли его за оба конца и собирались вынести вслед за остальными.

Илюша не мог дольше терпеть; он подскочил к столу, ухватился за край его и сердитым голосом закричал:

– Не трогайте! Это тяткин стол!

Мастеровые сначала удивились, а потом рассмеялись.

– Был тяткин, а теперь мой стал, – заметил один из них, – твоему тятке, небось, теперь столов не нужно! Пусти-ка, мальчик!

– Не дам, не пущу! – кричал Илюша.

Он лег грудью на стол и обхватил его обеими руками.

– Что это ты, Илюша? – засуетилась Авдотья, подоспевшая на шум. – Пусти стол, Степан Иванович купил его, и деньги мне вчера заплатил, нам с тобой этот стол не нужен, у нас будут столы; пусти, пусти, батюшка, не задерживай!

Не слушая увещаний тетки, мальчик продолжал держаться за стол, упорно повторяя: «Тяткин стол, не отдам!»

Мастеровые силой оттащили его и поспешно унесли стол, пока Авдотья и соседки удерживали мальчика и наперерыв объясняли ему, зачем и кому проданы все вещи. Мальчик не слушал никаких объяснений: он сознавал одно, что кругом его что-то опустело, что-то исчезло, что-то кончено; ему было и жаль, и страшно, и досадно на окружающих людей, точно они были виноваты в том тяжелом чувстве, какое он испытывал.

– Ну, вот, все вынесли, – заметила Авдотья, когда стол был благополучно выпровожен из комнаты. – Все вынесено, – повторила она. – Пойдем, Илюша, к Аграфене Петровне: она нам даст у себя угол пока, и блинков у нее поедим, помянем покойника, пойдем.

– Не хочу! Не пойду! – вскричал мальчик. Он вырвался от тетки, забился в угол комнаты и исподлобья, сердитыми глазами смотрел на присутствовавших.

– Ишь зверь какой, прости Господи! – заметила одна из соседок. – И чего это он?.. Прощаясь с отцом, не плакал, а тут – на, стола дрянного пожалел...

– Что с ним поделаешь: известно, дитё неразумное! – добродушно заметила Авдотья.

Женщины пошли к Аграфене Петровне, чтобы помянуть за блинами покойного, а Илюша остался один в пустой комнате. Долго стоял он в углу и все те же чувства тяжелым камнем давили его маленькое сердце. Ни тогда, ни после не мог бы он сказать, о чем думал все это время, отчего не шел он к тетке, к людям; он не рыдал, не плакал, но у него было очень горько на душе, и не хотелось ему показывать этого горя другим...

Уже почти вечером пришел он в комнату старой торговки Аграфены Петровны, предложившей Авдотье с мальчиком пожить у нее до приискания места. Авдотья встретила его, по

своему обыкновению, ласково и тотчас же пододвинула целую тарелку блинов. Илюша молча сел, молча прислушивался к нескончаемой болтовне двух кумушек, а на сердце его было все также тяжело...

Глава II

У Авдотьи было много знакомых среди прислуги; те господа, у которых она работала поденно, пока жила с братом, знали ее за женщину честную и трудолюбивую: ей не трудно было бы найти себе хорошее место, если бы она была одна, без ребенка; с мальчиком же многие не хотели брать ее к себе. День проходил за днем, а она все жила в углу у Аграфены Петровны, возбуждая сожаление всех соседок.

– Вот уж навязала ты себе обузу, Авдотьюшка, – толковали кумушки. – Диви бы свой ребенок, а то с чужим возись!..

– Что делать, – вздыхала Авдотья: – не бросить же мальчишку: ведь не чужой он мне, – родного брата сын! Конечно, без него я давно бы пристроилась... Вон, у генеральши Прокудиной десять рублей дают кухарке, и меня бы с радостью взяли, кабы не он...

Илюша слышал эти разговоры, и досадно, и обидно было ему. Пока жив был отец, мальчику никогда не приходило в голову, что он может быть в тягость взрослым; он рано начал исполнять разные мелкие домашние работы и таким образом почти зарабатывал свое скудное пропитание. А теперь оказывается, что он никому не нужен, что из-за него тетка терпит лишения, что он мешает ей устроиться...

– Ищи себе места без меня, – говорил он ей, слыша ее жалобы: – зачем тебе меня брать? Я один буду жить!

– Эх, ты, дурачок, – добродушно отвечала Авдотья: – разве ребенку одному можно жить?! Подожди, найду место и с тобой!

Илюша пытался доказывать, что этого не нужно, что он может отлично жить один, то зарабатывая копеечку-другую, то выпрашивая милостыню; но все присутствовавшие смеялись над ним, называли его дураком, мальчишкой, и ему приходилось молча хмуриться, составляя втихомолку разные планы самостоятельной жизни.

Наконец, недели через три напрасных поисков, Авдотья вернулась домой, сияющая, довольная.

– Ну, слава тебе Господи, нанялась, – объявила она. – И с мальчиком берут, завтра приходите велели! Надо тебе, Илюша, хорошенько вымыться да почище одеться! Пожалуйста, ты веди себя умненько, будь тих, почитай хозяев, а то из-за тебя и меня прогонят!

Илюша, по своему обыкновению, молча выслушал наставление тетки, но в душе вовсе не разделял ее радости: жизнь в доме незнакомых хозяев, при которых надобно вести себя не обыкновенно, а как-то особенно, нисколько не манила его.

На другой день, с раннего утра, Авдотья принялась приводить своего племянника в порядок. Она до того мыла и терла его, что уши его разгорелись, как на морозе, щеки покраснелись и все лицо начало лосниться точно намазанное маслом. С волосами мальчика тетке пришлось возиться очень долго: упрямые вихры его все торчали кверху и никак не хотели понять, что им всегда следует смиренно склоняться вниз. Наконец, только с помощью кваса их удалось пригладить. Вся эта операция была, конечно, очень неприятна Илюше. Новая, сильно шуршавшая ситцевая рубашка и отлично вычищенные, хотя и с заплатками, сапоги не развеселили его, и он поплелся за теткой «к хозяевам» в самом унылом расположении духа. Всю дорогу Авдотья толковала ему о том, как он должен быть почтителен и покорен со всеми живущими в доме, где она будет служить, и напугала мальчика до того, что, придя туда, он не смел поднять глаз, не смел шевельнуться. Он не видел, на самом ли деле так богата квартира господ, как рассказывала тетка, не видел, доброе или злое лицо у барыни, к которой привела его Авдотья. Первые минуты он даже не слышал и не понимал ничего, что его тетка говорила с этой барыней, но потом понемногу сообразил, что речь шла о нем.

– У меня кухня большая, – говорила госпожа Гвоздева: – место ему будет; только уж ты смотри, Авдотьюшка, чтобы он не шалил, дурачеств никаких себе не позволял, и в комнаты его не пускай. Может, он у тебя и недурной мальчик, но я своим детям не позволяю играть с простыми детьми.

«Ишь, какая! – подумал Илюша: – не позволяет своим детям со мной играть, да я, может, и сам-то не захочу играть с ними!»

Он исподлобья взглянул на барыню, и, должно быть, взгляд его был не очень дружелюбен, так как барыня заметила:

– Как он сердито глядит! И исподлобья!.. Это дурной признак! Он у тебя, верно, злой, упрямый?

– Ах, нет, сударыня, как можно, – поспешила возразить Авдотья: – он добрый мальчик, только, известно, боязно ему перед вами... Илюша, поцелуй ручку у барыни, скажи, что постараешься заслужить ее милость!

Илюша с недоумением посмотрел на тетку и не двинулся с места. Церемония «целованья ручки» была совершенно ему неизвестна, и он не чувствовал ни малейшего желания проделывать ее.

Барыне, уже протянувшей было «ручку», пришлось убрать ее обратно, а Авдотья поспешила оправдать племянника его дикостью, глупостью, неумением обращаться с господами.

– Нет, он, должно быть, недобрый мальчик, – заметила барыня: – ишь каким волчком глядит! Как есть волчонок!

Название волчонок, случайно данное барыней Илюше, оказалось до того подходящим к нему, что вскоре никто в доме иначе не называл его. Ой не понравился никому у Гвоздевых; все, как и барыня, сразу порешили, что он угрюмый, сердитый, злой мальчик. А между тем Илюша был далеко не зол, только очень уж не по сердцу пришлась ему жизнь в чужом доме. Конечно, просторная, светлая кухня, на стенах которой блестели полки с медной посудой, была несравненно красивее того полутемного, сырого подвала, где он жил с отцом; конечно, остатки кушаний, которые позволяли ему съедать с господских тарелок, были гораздо вкуснее его прежней пищи – картофельной похлебки и гречневой каши, – но зато там, в этом мрачном подвале, за этим скудным обедом, он был член семьи, он понимал семейные горести и радости, он сочувствовал им, он знал, что отец с матерью не пожалеют поделиться с ним последним куском хлеба, и сам, по мере сил, старался помогать им в их трудах, а когда сил не хватало, то хоть мечтал о том, что поможет им впоследствии, когда вырастет.

– Спи, Илюша, – говорила, бывало, мать, укладывая его спать: – а я тебе к празднику рубашку новую сошью, розовую, красивую!

– А себе, мамка, сошьешь? – спрашивал ребенок.

– Нет, родимый, я и в старом похожу. Вот уж вырастешь ты большой, тогда купишь мне нарядов, а теперь и так хорошо.

– Накуплю, – уверенным голосом говорил Илюша и засыпал, мечтая о тех красивых платьях, какие он подарит матери, как только подрастет.

– Вот еще годка два-три промаяться, тогда Илью присажу за работу, так легче будет! – вздыхал Павел, принимаясь за новую спешную работу.

И Илюша с гордостью думал, как он станет шить сапоги вместе с отцом, как много денег заработают они вдвоем...

Под сердитую руку отец и даже мать частенько били его; мальчик плакал от боли, но несколько не чувствовал себя оскорбленным: отец бил всегда за дело, за какую-нибудь шалость, за небрежность, за рассеянность, и Илюша чувствовал, что заслужил наказание и что при старании может избежать его. Мать часто была просто потому, что была утомлена непосильной работой, раздражена писком детей и хотела на ком-нибудь сорвать сердце. Прибавивши мальчика, она сейчас же начинала жалеть его, сейчас же старалась загладить свою несправед-

ливость или лаской, или лишним кусочком съестного, и при этом сама она была всегда такая жалкая, бледная, истомленная, что нельзя было сердиться на нее.

В чужом доме Илюша был сыт, не терпел ни холода, ни побоев; но он как-то сразу почувствовал, что здесь он чужой, лишний, никому ненужный.

– Вот навязали вы себе обузу, – замечали Авдотье ее знакомые кухарки и горничные: – без мальчишки на всяком месте дали бы вам восемь, девять рублей, а теперь должны жить за шесть.

– Ну, что делать, не бросить же ребенка! – вздыхала Авдотья, и казалось, как будто ей отчасти жаль, что детей нельзя выбрасывать на улицу вместе с сором.

– Ну, чего ты суешься под ноги? – ворчал лакей, выталкивая Илюшу из того уголка, куда он забился, чтобы никому не мешать.

– Фу ты, Господи, присесть никуда нельзя, везде мальчишка свои вещи накидал, – кричала горничная, сбрасывая со стула шапку, которую Илюша только что успел на него положить.

Иногда, от нечего делать, лакеи и горничные принимались дразнить мальчика и строить над ним разные штуки.

– Илюшка, – говорил лакей: – на, съешь сладкий пирожок!

Мальчик откусывал большой кусок пирога, а он оказывался весь обмазан горчицей; Илюша плевался, плакал, бранился, а вся кухонная компания помирала со смеху.

– Слушай ты, волчонок, говорила горничная: – барыня зовет тебя, иди скорей; да ну же, скорей!

С сильно бьющимся сердцем шел мальчик в комнаты, вход в которые был ему запрещен, и робкими шагами подходил к барыне.

– Что ты тут шляешься, мальчишка! – кричала она на него. – Тебе здесь не место, иди в кухню!

И опять громкий, дружный смех прислуги встречал ребенка, когда он, униженный, пристыженный, возвращался в кухню.

Можно себе представить, как раздражали мальчика подобные выходки! Он готов был избить своих обидчиков, а между тем чувствовал, как мал и бессилён был он сравнительно с ними! Особенно оскорбляло его отношение тётки к его неприятностям. Она как-то не понимала, что насмешки могут оскорблять ребенка; она смеялась вместе с другими и только иногда добродушным голосом замечала какому-нибудь слишком расхажившему лакею.

– Полно вам, Федот Матвеевич, ну, что вы пристали к ребенку? Известно, он глуп, где же ему что понимать!

Илюше же она делала строгие выговоры, когда он бранился или злился на кого-нибудь.

– Дурак ты, дурак, – говорила она: – с тобой шутят, смеются, а ты сердишься! Рад бы был, что не бьют, вон не гонят, а он, на-ка, еще обижаться! Какой важный барин!..

– Да я не хочу, чтобы они надо мной смеялись, ты им не вели! – угрюмо отвечал Илюша.

– Как же я могу не велеть им, – рассуждала Авдотья: – разве они меня послушаются? А неужели мне из-за тебя ссориться с ними? Как это можно! Я ссор не люблю, хочу со всеми жить в мире... И ты, коли умен, так старайся всем угождать: они смеются – и ты смейся; бранят тебя, а ты молчи; коли и побьют, так не беда: поплачь в уголке, чтобы никто не видал, а в глаза всем гляди весело, – вот и будет тебе хорошо!

Илюша умолкал и уходил от тетки, но чувствовал, что не в состоянии исполнить ее наставлений. Не обижаться, когда его оскорбляют, смотреть весело в глаза и угождать тем, кто бранит и бьет – это было свыше сил его. Он понимал, что с большими ему не справиться, так как они сильнее его, но он все-таки не мог не злиться на них, и все угрюмее и угрюмее становилось его маленькое личико, все больше привыкал он хмурить лоб и глядеть исподлобья, все больше походил он на маленького, сердитого волчонка...

«Ишь, что выдумала! – рассуждал он сам с собой: – поплачь потихоньку, а гляди при всех весело... Да разве это можно? Это только большие умеют, и как это они делают?..»

И мальчик, из своего уголка наблюдал, как большие умели хорошо притворяться. За глаза все они бранили друг друга, а в глаза казались первейшими друзьями. Все находили, что барин скуп, а барыня зла и капризна, но все наперерыв старались угождать и барину, и барыне, все в глаза называли их добрыми, обещали в точности исполнять все их приказания, а придя в кухню, смеялись над этими приказаниями.

– Тётка, а тётка, – спрашивал Илюша: – ты зачем же сказала барыне, что делала вчера соус, как она велела? Ведь ты не так делала?..

– Ну, что ж, что не так? Кабы я по ейному сделала, вышла бы гадость, сама бы она раскричалась да разворчалась, а я сделала по своему – вот и хорошо...

– Так зачем же ты ей так не сказала? Ты, значит, ее обманула?

– Обманула! Эка редкость – что обманула! Без обмана на свете не проживешь! Ты еще мал, не понимаешь этого; ужо, подрастешь, поймешь.

– А тятка говорил, не надо обманывать?

– Ну, что твой тятка! Много он без обмана-то нажил? Сам на работе надорвался, да и тебя нищим оставил!

Илюша помнил, как тяжела была жизнь его семьи, и все-таки его тянуло назад к этой жизни, и когда среди веселой болтовни и сплетен кухонной компании ему представлялся в воображении угрюмый, молчаливый, неласковый отец, он чувствовал, что с радостью пошел бы за ним, оставив добродушную, словоохотливую тётку, что приказания отца, легче и приятнее было бы слушать, чем ее наставления.

Глава III

Помня строгое запрещение барыни, Илюша все время проводил в кухне или в людской, и не ходил в комнаты. Он даже плохо знал, из кого именно состоит семейство его хозяев. Барыню он видал несколько раз, и всякий раз ее суровый, гордый вид пугал его. Иногда в кухню забежали два мальчика его лет или немножко постарше, – резвые, шаловливые. Они кричали на прислугу, топали ногами, если приказания их не скоро исполнялись, и старший из них один раз даже ударил по лицу горничную, которая хотела отвести его от горячего самовара. Мельком видал Илюша барина; знал он из рассказов прислуги, что этот барин иногда очень добр, готов отдать все понравившемуся человеку, а иногда до того сердит, что все в доме дрожат перед ним; знал, что, кроме мальчиков, у господ есть еще дочка, – некрасивая, болезненная, нелюбимая матерью девочка; что для присмотра за детьми нанимают гувернанток; и что гувернантки эти беспрестанно меняются.

– Мамзель-то опять уходит, – не раз говорили при нем в кухне. Еще бы, кто у нас уживется! Такие балованные дети, такие озорники, что страсть!

Знал Илюша, что этим озорникам очень часто покупают разные необыкновенно хорошие вещи, вроде громадных деревянных лошадей, слонов, ворочающих хоботами, солдатиков с палатками и пушками; иногда, когда он слышал рассказы обо всех этих диковинках, у него являлось сильное желание пробраться в детскую и хоть одним глазком взглянуть на них, но тут рождалась мысль: «А что как прогонят, обругают?» – и он не поддавался искушению.

Настало лето. Семейство Гвоздевых переехало на свою дачу в окрестностях Петербурга. Илюша, вместе со всей прислугой, перебрался туда же. В первый раз в жизни проводил мальчик лето не в городе, а на свежем воздухе, среди зелени и цветов. На каждом шагу представлялись ему новые, невиданные картины, приводившие его в восторг. Он осторожными шагами ходил по чисто выметенным дорожкам цветника, останавливался перед каждым вновь распускавшимся цветком и любовался им, не смея дотронуться до него рукой, чтобы не испортить его. Закинув назад голову и широко раскрыв рот от удивления, следил он за смелым полетом жаворонка в поднебесье, прислушивался к его звонкой песни. Кормление кур, доение коров, косяба – все это было интересной новостью для ребенка, который всю свою жизнь провел на грязных дворах и в тесных переулках Петербурга. Теперь уже никто из домашних не находил, что он мешает, что он занимает много места.

Утром, пока господа еще спали, он бежал уже в сад; садовник, работавший там, хотел сначала гнать его, что мальчишка что-нибудь испортит, но потом рассудил, что лучше воспользоваться его любовью к цветам и заставить его помогать себе. Илюша был этому радехонек. Он поливал клумбы, полол сорную траву, подвязывал цветы, делал все, что приказывал садовник, и часа два-три незаметно пролетало для него в приятной работе. Как только шторы на окнах хозяйских комнат поднимались и лакей вносил на обтянутый полотном балкон чайный прибор, Илюша спешил убежать из сада: он считал этот сад как бы продолжением барских комнат и боялся, что из сада его прогонят так же, как гнали из этих комнат. Наскоро перекусив чего-нибудь у тетки, он уходил подальше от дома, – в рощу, на луг (полей, засеянных хлебом, вблизи дачи не было), на берег речки, светлые струйки которой так приветливо журчали, так красиво нежились на солнце. Там никто не мешал ему всем любоваться, все разглядывать, валяться на мягкой траве, взлезать на деревья. Если какая-нибудь компания дачников показывалась невдалеке, он отходил прочь или прятался. Встречались ему во время его прогулки и мальчики одних с ним лет, – бедно одетые, видимо не господа; некоторые из них пытались вступить с ним в разговор, но Илюша сторонился от них, неохотно отвечал на их вопросы и ясно выказывал свое нежелание завязывать с ними знакомство. Дело в том, что в первый же день переезда на дачу, мальчик вызвал сильные насмешки своим полным незнанием деревенской жизни.

– Тетенька, глянь какая птичка! Поет она? – спросил он, указывая на пеструю бабочку, усевшуюся на ветке дерева, подле самого кухонного окна.

Вся кухонная компания громко расхохоталась; никто не объяснил мальчику, что это было за насекомое; его просто называли дураком, а лакей – большой шутник и остряк – начал рассказывать ему разные небывальщины об этой чудной «птичке».

Эта и подобные ошибки мальчика вызывали постоянные насмешки, которые очень оскорбляли Илюшу, и, чтобы не подвергаться им, он решил никому не верить своим новым впечатлениям, ни у кого ни о чем не спрашивать, а просто смотреть и слушать.

На даче Илюше пришлось познакомиться с маленькими барчатами, которых так оберегали от его общества в городе. Иногда дети вставали раньше обыкновенного и выходили в сад, пока он еще помогал садовнику работать. Мальчики весело бежали по аллее, крича, смеясь, перегоняя и нередко толкая друг друга. Они рвали и ломали цветы, показывали языки сопровождавшей их гувернантке, кричали на садовника, одним словом – вели себя такими неприятными детьми, что при первой же встрече с ними Илюша подумал:

«Еще она – „она“ в его мыслях значила барыня – говорила, чтобы я не смел играть с ними, да я и сам не захочу с ними знаться! Ишь, как смяли всю клумбу!»

Девочка, дочь хозяев, произвела на него совсем другое впечатление: она никогда не принимала участия в шумных играх братьев, а обыкновенно шла тихонько или рядом с гувернанткой, или сзади всех.

«Да она, кажется, совсем не барышня!» – подумал Илюша, увидев ее в первый раз. Барышня по его понятиям должна была иметь важный, гордый вид, а маленькая Зиночка Гвоздева казалась скорее жалкой, чем важной. Одета в нарядное платьице с открытой шейкой, с голыми ножками, она дрожала от утренней свежести и беспрестанно болезненно подергивала худенькими плечиками; красноватые, как будто припухшие глаза ее не выносили яркого солнечного света – она то моргала ими, то шурила их; скорая ходьба вдогонку за убежавшими мальчиками видимо утомляла ее, – она останавливалась, отставала от гувернантки и тогда гувернантка сердито толкала ее или дергала за руку. Вообще гувернантка эта, едва осмеливавшаяся делать какое-нибудь замечание своим балованным воспитанникам, обращалась крайне грубо с бедной девочкой.

Один раз Зиночка, заглядевшись на работу садовника, пересаживавшего какое-то растение из одной клумбы в другую, ступила на сырую землю и запачкала свой нарядный серенький ботинок. Заметив это, гувернантка со всей силы дернула ее за руку и сердито заговорила с ней на каком-то непонятном Илюше языке. Зиночка закрыла лицо руками и горько заплакала. В эту минуту дверь комнат открылась и на балконе показалась сама барыня.

– Что такое, что Зина опять плачет? – сердитым голосом проговорила она. – Зина, приди сюда!

Девочка с видимой неохотой подошла к матери, и Илюша вслед за ней прокрался к балкону.

– Зина, – строгим голосом проговорила барыня: – сколько раз говорила я тебе, чтобы ты не смела никогда плакать в саду. Ты, кажется, хочешь, чтобы все соседи видели твои капризы? А я этого вовсе не хочу! Пошла вон, я попрошу mademoiselle запереть тебя на целый день в классной комнате! Дрянная плакса!

Сердитая гувернантка потащила громко рыдавшую девочку в комнаты, а Илюша с этой минуты почувствовал необыкновенную жалость, даже нежность, к бедной, обиженной Зиночке. Ему очень хотелось поговорить с ней, позабавить ее чем-нибудь, но он вскоре увидел, что это довольно трудно исполнить.

Дети всегда с удовольствием поглядывали, как садовник с Илюшей поливают сад. Как-то раз им вздумалось самим приняться за эту работу. Мальчикам тотчас же принесли хорошень-

кие маленькие лейки и приказали Илюше наполнять эти леечки водой из его большой лейки. У Зины не было леечки, она стояла посреди дорожки и с грустью поглядывала на забаву братьев.

– Жорж, дай мне немножко пополивать, – попросила она одного из братьев.

– Я сам хочу, лейка моя! – отвечал мальчик.

– Толя, дай мне твою леечку, на одну только минутку! – обратилась девочка к другому брату.

– Ишь, что выдумала, ободранная кошка, – вскричал грубый мальчик: – пошла прочь с дороги, а то я всю воду на тебя вылью. – И он замахнулся на нее лейкой.

Зина отошла прочь, и Илюша заметил на глазах ее слезы. Он быстро побежал в кухню, выпросил у тетки большой старый чайник, наполнил его водой и поднес Зиночке.

– На, поливай, – проговорил он.

Зина взяла чайник, и глазки ее заблестели от удовольствия.

– Пойдем, я тебе покажу, какие цветы надо полить, – продолжал Илюша, помогая девочке поддерживать тяжелый чайник.

Зина готова была идти за ним, но в ту минуту раздался голос Жоржа:

– Зина, ты зачем это с мальчишками разговариваешь? Постой-ка, я маме скажу!

Девочка отошла от Илюши, но слабые руки ее не могли сдержать чайника в равновесии; он пошатнулся и несколько капель воды пролилось на ее платье. Гувернантка тотчас заметила это, вырвала чайник из рук девочки, выплеснула воду на землю, а Зиночку усадила возле себя на скамейку. Илюша видел печальное лицо девочки, но подойти к ней не осмеливался.

Через несколько дней после этого ему удалось оказать более важную услугу Зиночке. Сердитая гувернантка не ужилась у Гвоздевых и ушла от них. Недели две детям позволяли играть в саду одним, без присмотра старших. Зиночке от этого было еще хуже, чем от строгости гувернантки: братья постоянно обижали ее, они были гораздо сильнее ее, и она не могла от них защищаться; если же она жаловалась матери, та говорила, что она плакса, капризница, недотрога, и наказывала ее же, а мальчикам не делала даже замечания за их грубость. Раз утром Жорж вздумал играть в лошадки и запряг Зиночку. Девочка не любила бегать, она была слабого здоровья и усиленное движение утомляло ее.

– Я не хочу, я устала! – пропищала она, пробежав одну аллею.

– Нет, ты должна! Папа ведь велел тебе вчера бегать и играть с нами... Я скажу папе, что ты его не слушаешься. Ну, беги же! Но-о! Пошла!

Зина пробежала еще немножко.

– Я не могу, я, право, не могу! – говорила она, задыхаясь.

– Не можешь? Так я же тебя!

Злой мальчик замахнулся прутом, заменявшим ему кнут, и со всей силы ударил по голой руке девочки. Зина вскрикнула от боли.

– Так тебе и надо, – не унимался Жорж. – Вот тебе и еще... – Он замахнулся во второй раз, но вдруг чья-то рука выхватила у него хлыст и он увидел перед собой Илюшу, с лицом, раскрасневшимся от гнева, со сверкающими глазами.

– Не смей ее трогать! – повелительным голосом проговорил маленький защитник Зины. – Если ты хоть пальцем ее тронешь, я тебя отдую этой палкой – он показал большую палку, которую держал в руке, – я ведь сильнее тебя!

Неожиданное вмешательство Илюши, его решительный тон и сердитое выражение лица до того поразили детей, что они совсем растерялись. Жорж, отчасти чувствовавший себя виноватым, отчасти испугавшийся палки своего противника, бросил вожжи, за которые держал сестру, и убежал, ворча что-то под нос. Зиночка плакала и от боли, и от страха, как перед своим притеснителем, так и перед защитником, и поспешила спрятаться в беседку, чтобы мать не заметила ее слез и не наказала ее.

Никто из детей не считал удобным рассказать об этом происшествии старшим, но с этой минуты Жорж старался избегать Илюши и при нем не обращался больше так грубо с сестрой.

Илюше скоро надоело во время его уединенных прогулок только смотреть и слушать. Вдоволь налюбовавшись пестрыми красками цветов, зеленью леса и травы, светлой водой речки, наслушавшись пенья птиц и шума зеленых ветвей, он начал придумывать себе другие забавы: он срезал и обчищал от коры тросточки и хлыстики, устраивал себе удочки, бросал в цель мелкие камешки, делал на песчаном берегу речки стены и башни из песка и камней, рыл канавки, одним словом – придумывал все те игры, которые мальчики так любят. Одна забава особенно понравилась ему. Он скотил из палочек и щепочек плотик, который отлично держался на воде. Он накладывал на него бумажек, цветов, травы и пускал его плыть по течению реки, а сам шел по берегу и, когда хотел, с помощью большого шеста пригонял к себе свой кораблик. Раз, гуляя с матерью по берегу речки, маленькие Гвоздевы застали его за этой игрой. Она показалась им необыкновенно интересной, и Толя уже собирался обратиться к нему с требованием, чтобы он отдал им свой кораблик, но мать остановила его:

– Полно, Толечка, к чему тебе эта дрянь, – сказала она: – завтра папа поедет в город, я попрошу его, чтобы он привез тебе хорошенький кораблик с парусами и матросами.

– И мне, мама милая; пусть папа привезет два кораблика! – упрашивал Жорж.

– Хорошо, я ему скажу! Только дети с условием: вы должны играть осторожно и не подходить близко к воде.

Мальчики готовы были обещать все, что угодно, только бы получить желанную игрушку. Зиночка тоже хотела попросить кораблик, но при первом же ее слове мать так неласково посмотрела и так строго крикнула на нее:

– Говори громко! Держи голову прямо! – что у бедной девочки не хватило духу выговорить свою просьбу.

«Вот ведь, наверно ей ничего не купят, – рассуждал про себя Илюша, слышавший весь разговор матери с детьми. – Ну, постой же, пусть они играют своими корабликами, а я сделаю ей плотик такой хорошенький, что им завидно станет, и сам буду играть с ней».

Он тотчас же принялся за работу, и на другой день плотик был готов. Илюша украсил его флагом и бортами из тряпочек розового колена; плотик вышел прехорошенький и отлично держался на воде. Надобно было только дожидаться, когда дети придут на реку без матери: при барыне Илюша не решался подойти к Зине и предложить ей свой подарок. Дня через три случай поблагоприятствовал ему. Дети пришли на берег речки под присмотром горничной. Мальчики тотчас же занялись спусканием на воду своих новеньких корабликов; горничной было так трудно удерживать шалунов на берегу, что она не обращала на Зину никакого внимания. Девочка села на камешек, в нескольких шагах от братьев, и о чем-то задумалась. В одну минуту Илюша был подле нее со своим подарком.

– На тебе плотик... хорошенький... он плавает лучше чем их корабли. Возьми, я тебя научу, как спускать его на воду, я поиграю с тобой! – проговорил он.

Зина взяла в руки игрушку.

– Благодарю тебя, – сказала она не детски серьезным голосом: – только мне нельзя играть с тобой.

– Отчего нельзя? Нас никто не увидит, они заняты своими кораблями и не заметят... Пойдем! – настаивал Илюша.

– Нет, нельзя, – повторила Зиночка.

Глава IV

После привольной дачной жизни Илюше тяжелее прежнего показалось просиживать целые дни в душной кухне без всякого дела. Он стал часто выбегать на двор и за ворота на улицу. Скоро явились у него новые знакомые: сын кучера и два сына лавочника пригласили его играть с собой, и Илюша с большим удовольствием принял участие в их шумных играх. Вместе взлезали они на поленницы дров, а оттуда на плоскую крышу сарая, вместе перескакивали через тумбы, вместе мочили руки и ноги под водосточными трубами и дружно, без всякой злобы, дрались друг с другом раз по десяти в день. Для здоровья Илюши все эти упражнения на свежем воздухе были, бесспорно, полезны, но зато одежде его они наносили существенный вред. Он возвращался домой перепачканный, на новых сапогах его через две недели явились дырки, старая ситцевая рубашка превратилась в лохмотья, а на панталоны Авдотье пришлось положить две огромные заплаты. Авдотья не бранила мальчика за небрежность, но всякий раз тяжело вздыхала при виде новых недостатков его костюма. Наконец, один раз, как он в драке потерял пол рукава новенького пальто, только что купленного ему, она в ужасе всплеснула руками:

– Батюшки мои! Илюша, да что же это ты со мной делаешь! – вскричала она. – Подумай ты только: откуда мне набраться на тебя одежды? Жалованья дают мне всего шесть рублей, – говорят, с мальчиком больше нельзя, – из этого я и чаю, и кофе купи и себе и тебе, на себя одень, чтобы всегда в чистоте быть, и еще тебя!.. Господи, да как же мне быть-то!

Всегда добродушно веселое лицо Авдотьи выражало при этих словах такую неподдельную скорбь, что Илюша был тронут. Разругай она его, приберей даже, и наверно это не помешало бы ему на следующий день опять и лазать, и драться, и пачкаться; но теперь он сразу почувствовал всю искренность и справедливость ее жалоб. Он не стал утешать ее ласками или обещаниями исправиться, но с этой минуты перестал участвовать в играх товарищей. Напрасно подзывали они его, напрасно старались они соблазнить его рассказами о том, что на соседнем дворе собирались уже «разбойники» и «казаки», напрасно задевали они его и словами, и пинками, чтобы вовлечь в драку, – Илюша оставался непреклонным.

– Не хочу я к вам, надоело! – отвечал он на все зазыванья товарищей.

– Надоело! А сидеть на одном месте не надоело? Пойдем! – приставали мальчики.

– Сказано, не пойду, и не пойду! – уже сердито говорил Илюша.

– Ишь ты! Поделом тебя волчонком прозывают! Как есть волчонок! У, волчонок! волк! Ату его!

М мальчики дразнили Илюшу, иногда даже целой гурьбой нападали на него, и ему не оставалось другого средства, как, раздав несколько здоровых тумаков направо и налево, искать спасенья в бегстве.

Впрочем, это продолжалось недолго. Убедившись, что Илюша в самом деле не хочет больше знаться с ними, мальчики отстали от него, и он мог целыми часами спокойно просиживать на лавочке у ворот, с тайной завистью следя за их веселыми играми.

– Посмотрю я на тебя, мальчик ты уж не маленький, а целые дни шляешься без всякого дела, – раздалось один раз над самым ухом Илюши в ту минуту, когда он намеревался занять свое обыкновенное место у ворот.

Мальчик поднял голову и увидел подле себе дворника Архипа.

– Да что же мне делать-то, дядюшка Архип? – с недоумением спросил он.

– Эка! Про всякого человека есть работа, только про тебя не припасена. Мало ли дел-то! Вон, взял метелку да смел грязь с тротуара. Мне некогда – надо дрова таскать; а видишь – слякоть какая! На-ка, помети, спасибо скажу!

Илюша давно скучал без дела и потому охотно исполнил поручение Архипа.

Дворник рад был, что нашел себе услужливого помощника, и стал часто давать Илюше мелкие работы, а в награду за исполнение их приглашал его по вечерам в дворницкую, играл ему на гармонике и пел песни. Илюше в дворницкой нравилось гораздо больше, чем в кухне. И Архип, и другой дворник, его помощник, никогда над ним не смеялись; они по большей части даже обращали на него мало внимания. Когда Архип не пел и не играл на гармонии, они чинно и степенно разговаривали друг с другом о своих неприятностях и трудах, или о жизни в деревне, из которой оба недавно приехали. Илюша, сидя в уголке, прислушивался к их разговору, иногда даже засыпал под мерный звук их голосов, и снились ему густые леса, желтеющие нивы, веселые, хотя полунагие ребятишки...

– Слушай-ка ты, Илюша, – обратился раз утром Архип к мальчику: – не даром ты кухаркин племянник, в господском доме живешь: чай, лакейское дело хорошо знаешь?

– Нет, не знаю, – отвечал Илюша: – сапоги разве вычистить сумею да самовар поставить, а больше ничего.

– Ну, больше-то ничего и не надо! Видишь ты, у нас тут в квартире № 26 новый жилец переехал, прислуги не держит, подрядил меня, чтобы я ему услуживал. У него и дела-то нет никакого, только комнату подмести, самовар поставить, да когда пошлет папирос или булок ему купить. Сходи-ка ты сегодня к нему замест меня; мне нельзя, – хозяин посылает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.